

ПРОСТРАНСТВО
ПЕРЕВОДА

ПОЛЬ ВАЛЕРИ
СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Перевод
АЛЕКСЕЯ КОКОТОВА

Поль Валери

Собрание стихотворений

Серия «Пространство перевода»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7315827

Собрание стихотворений / Поль Валери: Водолей; Москва; 2014

ISBN 978-5-91763-209-4

Аннотация

Из отличительных признаков поэзии Валери достаточно назвать четыре: кованую форму (при необычайном версификационном разнообразии), кристальную прозрачность смысла (при головокружительной глубине), точечное воскрешение архаичного словоупотребления (изучение этимологических словарей – необходимая часть работы поэта) и необычайную музыкальность.

В русской поэзии XX века параллели Валери нет. У Малларме (преданным учеником которого был Валери) есть русский собрат – это Иннокентий Анненский, русский Малларме. Русский Валери либо зарыт в галицийских полях, либо расстрелян большевиками.

Содержание

От переводчика	4
Часть I	7
Стихотворные циклы	7
Заря	7
Ода Платану	10
Песнь Семирамиды	14
Песнь колонн	18
Пчела	22
Поэзия	22
Шаги	25
Пояс	25
Спящая	26
Фрагменты Нарцисса	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Поля Валери

Собрание стихотворений

От переводчика

Небольшая книга Поля Валери «Charmes» была отпечатана 25 июня 1922 года (впрочем, некоторые стихотворения из нее к тому времени уже были довольно известны).

Сразу скажем, что русский перевод ее названия – «Очарования» (иногда «Чары») – условен и не передает подразумевавшейся автором французско-латинской игры слов *charmes* – *carmina*. Не сложись уже русская (скорее, советская) традиция, следовало бы переводить проще: «Стихотворения». Жеманная претенциозность и поэзия Валери обитают в разных вселенных.

В этой книге нет ничего, кроме чистой поэзии в единственно возможном смысле этого слова: ее автор, не раз встречавший прогуливающегося Анри Пуанкаре и переписывавшийся с Пикаром и Адамаром (других его современников: политиков, генералов, ночных пилотов, создателей многотомных эпопей и даже поэтов – ровесников или младших – вряд ли стоит тут упоминать), вполне мог протянуть руку Горацию.

«В области поэзии, – писал Валери в статье об одном

старом французском переводе духовных стихов Св. Иоанна Креста, – у меня есть порок: я не люблю (почти до страдания) все то, что не дает мне ощущения совершенства. И, подобно другим порокам, он только усугубляется с возрастом»

Из отличительных признаков поэзии Валери достаточно назвать четыре: кованую форму (при необычайном версификационном разнообразии), кристальную прозрачность смысла (при головокружительной глубине), точечное воскрешение архаичного словоупотребления (изучение этимологических словарей – необходимая часть работы поэта) и необычайную музыкальность.

В русской поэзии XX века параллели Валери нет. У Малларме (преданным учеником которого был Валери) есть русский собрат – это Иннокентий Анненский, русский Малларме. Русский Валери либо зарыт в галицийских полях, либо расстрелян большевиками.

В 2008 г. в издательстве Бернара де Фаллуа вышла посмертная книга Поля Валери «Corona, Coronilla, Poèmes à Jean Voilier», содержащая сто сорок стихотворений Валери, о существовании которых до недавнего времени знали лишь единицы.

Строго говоря, два стихотворения из этой книги уже были опубликованы в пятидесятых годах прошлого века в составе посмертного цикла «Двенадцать стихотворений» и еще одно – всем хорошо знакомо, оно вошло в раздел «Несколько стихотворений разных эпох» канонического свода Валери и

было положено на музыку Пуленком.

Таким образом, в литературный обиход были разом введены сто тридцать семь неизвестных стихотворений величайшего французского поэта.

Стихотворений – не проходных, не случайных, не заброшенных автором. Заветных. Тех, о которых он сам – строжайший и требовательнейший мастер – говорит в последней записи своей последней тетради: «<... > mes vers <...> faits de tout mon art et de tout mon coeur <... >» (<...> мои стихи <...> которым я отдал все мое мастерство и всю мою душу <...>).

За отточиями переводчика здесь скрыта одна из поразительнейших историй мировой литературы: история последней любви великого поэта и его черного отчаянья.

Первые русские переводы из посмертной книги Поля Валери (2008) – главного литературного события нашего времени – составляют вторую половину настоящего издания.

Алексей Кокотов

Часть I

Charmes

Стихотворные циклы

Заря

Исчезает морок мрачный,
Спутанный, развеян сон –
Всходит солнце и прозрачный
Розовеет небосклон.
Преисполненный доверья
Прохожу души преддверья –
Перворечи чуден шум!
Тьму оставив за собою,
Умною своей стопою
Меру вымеряет ум!

Здравствуй заспанное братство
Сходных, дружественных слов,
Рифм отзывчивых богатство,
Блеск улыбчивых основ!
Ох, да их вокруг – корзины,

Гуд все ширится пчелиный,
Скала хрупкая дрожит,
На ее ступеньке шаткой
Безрассудною украдкой
Осмотрительность стоит.

Солнце осветило гузки –
И они уже дрожат!
Словно сонные моллюски
Рифмы хитрые лежат.
Та – блеснула, та – зевнула,
Вяло пальцем шевельнула,
Им по гребню провела,
Та – лениво потянулась,
Та – уже совсем проснулась,
Даже голос подала

Что же нужно сделать, чтобы
Утром встать наискоски?
Мысли, разума зазнобы,
Эк гульнули вы с тоски!
– Дома мы не покидали,
И зачем нам эти дали?
Мы – с тобой, в твоём уме.
Бесконечными веками
Обитаем пауками
В сокровенной древней тьме.

От ответов наших новых

Опьянеешь сразу ты!
Наплели мы солнц шелковых
Под покровом темноты,
Мы над пропастью, в зените
Протянули наши нити,
Потрудились чуток –
И заткали верхотуру
Шутка ль? – самоё Натуру
Проведя через уток.

В ключья рви их труд верховный!
Прочь холстину! Поспеши
В лес свой внутренний духовный,
В Дельфы песенной души.
Слух вселенский! Суть живая!
Волны, до небес взмывая,
Страстный дух возносят ввысь
К куполу небесной дрожи,
Чтоб слова, что с нею схожи,
С губ дрожащих сорвались.

Виноградник прихотливый!
Снов заветных дом родной!
Только брошу взгляд пытливый
– Новый образ предо мной...
Каждым листиком над бездной
Ключ живой укрыт любезный
Тайных вод неспешен ход,
Обещает шум мне дальний:

В каждой чашечке миндальной
Новый созревает плод.

Куст не страшен мне терновый,
И побудка веселит!
В душу мне рассвет суровый
Все ж сомнение вселит:
Раной самую кровавой
Не приобретешь ты славы.
Чтоб не умерли ключи,
Чтобы пенью быть неложным
А владенью непреложным –
Творчески кровотоочи.

Путь ведет меня недалний
К озеру холодных вод.
По нему в тиши хрустальной
Упование плывёт,
Неустанно хорошея,
Лебединой тонкой шеей
Рассекает грудь волны,
И с волною той сливаясь
Постигает, содрогаясь,
Бесконечность глубины.

Ода Платану

Как скиф молодой, Платан, себя ты отдаешь,
Свой ствол склоняя белый.

Но твой порыв стеснен, ты с места не шагнешь
Стопой закоренелой.

О сень огромная, в тебе лазурь сама,
Тебя обьяв, застыла.

Родимую стопу, как черная тюрьма,
Земля отяжелила.

Пускай твое чело блуждает в вышине –
Ветра ему мирволят,
Земля тебе ступить, хоть и в волшебном сне,
И шага не позволит!

Пусть соки вверх текут, восходят до чела
По жилам исполина,
Но вечного ему не разорвать узла,
Не двинуться с притина.

Ты чуешь вокруг себя личин растущий строй
Подземной гидры славной,
Подобные тебе, стоят и вяз с сосной,
И клен и дуб державный –

Под властью мертвецов куделью власяной
Врастают в пепел стылый,
И вниз летит от них цветочный, семенной
Поток тысячекрылый.

Осина, граб, и тот четырехствольный бук
(Четыре девы вместе)
Немое небо бьют, вздымая сотни рук,
В порыве тщетной мести.

Поодиночке жить должны, разделены,
Рыдать в недоуменьи –
Кто ветви им рассек напрасно, без вины
При нежном их рожденьи?

И к Афродите ввысь возносится душа
И вечер догорает,
И дева в сумерках проходит, не спеша,
И от стыда пылает.

Предвестьем пленена в нежнейший этот час,
Ей, побледневшей, мнится,
Что вскоре плоть ее на будущего глас
Должна оборотиться...

Но ты невиннее зверей лесных, и ты –
Ветвями весь в лазури.
И в сон предутренний войдут твои мечты,
Как грозный призрак бури,

О лиственная сень! Холодная идет
С нагорий трамонтана,
Звени, когда зима рукою проведет

По струнному Платану.

Решишь на стон!.. Крутись! Пусть гибкая кора
Свивается канатом,
Стенание твое давно уже пора
Отдать ветрам крылатым!

Как мученик святой, кору с себя содрав,
Хлещи себя бичами!
Пусть, тлеющей золы бессильный прах поправ,
Восстанет к небу пламя!

Затем восходит ввысь пылающий псалом
До птичьих поселений,
Чтоб задрожал Платан своим сухим стволом
От огненных прозрений!

Насельник парка! Ты к любым ветрам привык –
От качки ты хмелеешь!
И просят небеса: дай нам, Платан, ЯЗЫК!
Всемогущий, ты сумеешь!

Пускай тебя поэт прославит на земле,
С тобой в одно сливаясь.
Наездник так сидит, как пригнанный, в седле,
С конем не разделяясь...

Нет, – говорит Платан – пускай с моей главой,
Сияющей в лазури,

Поступит ураган, как с ветхой травой,
Мы с ней равны пред бурей!

Песнь Семирамиды

Чело предчувствует лучистую корону,
На глади мрамора, сквозь век смеженных зрит,
Как время бледное расцветчивает крону,
Нисходит час ко мне и золотом горит...

...

«Явись в конце концов! И будь самой собою,
Душа великая, пора уж плотью стать,
Спеши, – твердит заря – над бездной огневою,
Средь мириад огней возникнув, запылать!

Глухую ночь пронзил трубы протяжный голос,
Живые губы вновь пьют ледяную тьму...
И, брызнув золотом, пространство расколось –
В тот миг, как блеск былой припомнился ему!

К просвету протянись, рванись из тьмы дремучей,
Пловца, покрытого нахлынувшей волной,
На воздух выведет толчок пяты могучей –
Толкнись внутри себя, явись на свет дневной!

Среди невидимых пройди переплетений
И бесконечности бессилье разорви,
Скорей освободись от хаоса видений
И снов, что рождены от демонов в крови.

Я не боюсь причуд твоих непостоянства,
Мне яства лучшие легко тебе подать –
Питают пламень твой и ветер и пространство,
Предчувствия мои попробуй оправдать!»

...

Я отзываюсь!.. Прочь из пропасти бездонной,
Где руки мертвецов бессильные сплелись,
Несет меня орел, всевластьем упоенный –
Я им восхищена в полуденную высь!

Лишь розу взяв, бегу... Стрелю пронзена я
Насквозь!.. вот горсть шагов, возникнув в голове,
Рассыпалась, бежит – вот башня, мне родная,
Вот руки я тяну к холодной синеве!

Семирамида, ты – отточенная спица,
Стремись, безлюбая, в единственную цель!
Лишь царства жаждает великая царица –
Ему твой призрак злой – наисладчайший хмель.

Не бойся пропасти! Внизу, в воздушной яме,
Повис цветочный мост! Грозна я и горда!

Владычеству я над теми муравьями,
Дороги стрелами пускаю в города!

Владения мои лежат звериной шкурой,
Ее хозяин – лев – моей рукой убит,
Но все скитается его тут призрак хмурый,
И, смерть в себе нося, стада мои хранит.

На солнцем залитом застылая пороге
Я сбросила с себя таинственный покров,
И слабости своей впиваю я тревоги,
И неба и земли двойной я слышу зов.

О пир могущества, трезвейшая из оргий!
Как паперть дымная из дальних крыш и роц
Пред зрительницей ниц пластается в восторге!
Как подчиняется событий тайных мощь!

Моя душа сейчас на этой кровле – дома!
Каким величьем ей величие дано,
Когда она, рукой невидимой ведома,
В глубли меня самой отворит вдруг окно!

Лазури жаждущий и славой упоенный
Теней бесплотных ад с чутьем вполне земным,
О грудь моя! Вбирай долины населенной
Чуть влажный аромат и душ прохладных дым!

Со смехом, солнце, вниз смотри на рой жужжащий!

Там во всю мощь, без сна мой Вавилон поёт:
Кувшинов слышен звон и ход телег скрипящий
И жалобы камней на каменщика гнёт.

Так пусть же страсть мою к суровым грозным храмам
Пилы и долота стенанья утолят!
Пусть толщу воздуха наполнят птичьим гамом,
Пусть форму ей дадут и строго огранят!

Рождается мой храм, встает между мирами
Обета моего – меж равных равный – плод,
Он к небу сам собой возносится волнами,
Легко преодолев кипенье смутных вод.

Народ бессмысленный, прикована к тебе я,
Нуждаясь в тысячах трудолюбивых рук.
Пусть в тысячах голов горит вражда плебея,
Их хруста под пятой сколь сладок самый звук!

Растоптанных рабов столь музыкален ропот,
Их гнев, рассеян, спит в спокойнейшей волне,
Что плещется у ног и чей чуть слышен шепот...
Но ужас мести жив и спрятан в глубине.

Бесстрастно слушаю я эти переливы –
В них ненависть ко мне давно затаена.
Душа великая всегда несправедлива –
Необходимости навек обручена!

Пусть сладости любви и не совсем чужда я,
Но лаской никакой не вынудить меня
Рабыней страсти стать, пластаться, угождая,
Несытой пленницей рыдая и стена.

Любовный пыл и пот, блаженное паденье
Двух тел, что качкою раскачаны морской...
Такого требует душа уединенья,
Висят сады мои над пропастью такой,

Что прелестям моим лишь громы не бесчестье!
Молили многие царицу всех цариц,
Коснувшийся меня рассыплется на месте –
И памяти сладка та чередка гробниц.

Да будет сладостен мне храм новорожденный!
Очнувшись медленно, я вижу в полусне,
Как тяжестью своей и мощью упоенный
Растет он, замыслу довлеющий вполне!

Гром золотых цимбал собой наполнил бездну!
Как грозен трепет роз воздушных галерей!
Пусть в замысле своем великом я исчезну –
Семирамидою, царицей всех царей!

Песнь колонн

Колонн призывен зов –
Абак укротна тень,
Прибежищ-картузов
Для птиц в погожий день!

Звенит беззвучный зов.
С верхов и до низов
Колонн немой соглас
Для чутких внятен глаз.

Зачем средь синевы
Лучитесь, одинаки?
Желаньям чистым вы –
Благоволенья знаки.

– Берем мы чистый тон,
Взмывая к небесам,
Прилежный наш канон
Поет твоим глазам.

Смотрю на гимн певучий –
Какая чистота!
И светлость их созвучий
Из света и взята!

Обречена слоиться
Златая наша статья
И мучиться на лице
Чтоб лилиею стать!

Стоим – одна к одной!
Железное зубило
Кристалльный, ледяной,
Каррарский сон разбило!

Чтоб ярче враждовали
Мы с солнцем и луной
Нас отполировали,
Как клавиш костяной.

Мы – безвоздушный вздох,
Безгубые улыбки,
Мы – стройных женских ног
Абстрактный образ зыбкий.

Мы суеверно схожи,
Подобен фризу фриз,
Акант аканта строже
Взирает сверху вниз.

Но пред очами тьмы
Мы – храм, пустой объём.
Богов не зная, мы
В божественность идём!

И нашу тень, и тонкость
Аттического смысла,
И нашей плоти звонкость –

Всё породили Числа!

Для дочерей своих
Закон суров и строг:
Упав с небес на них,
Уснул медвяный бог.

Он любит, он счастлив
Абака – что постель.
И светлых дней разлив
Окутал капитель.

Сто ледяных сестёр –
Горим неопалимо!
А ветерок-танцор
Меж нас пронесит мимо

Десятками – века,
За родом – новый род,
И вечности река
Непроходима вброд!

Все тот же – круг земной,
Все то же – неба бремя,
Но каменной волной
Мы рассекаем время!

Извеку, испокон
Идёт поход колонн –

Наш шаг не позабыли
Ни небыли, ни были.

Пчела

О сколь смертельно это жало,
Пчелою я напуган белой.
И хрупкий короб оробелый
Укрыл я тенью покрывала.

Приют любви оцепенелой –
Грудь оживёт и вспыхнет ало.
Пчела! Чтоб плоть не бунтовала,
Свой жгучий яд целебным сделай!

Короткой пытки жажду я –
Боль мимолётная ценней
Страданий долгих бытия.

Пусть чувства всколыхнутся с ней!
Без этих золотых тревог
Дух в смертной дрёме изнемог!

Поэзия

От сосцов богини пенья,
Жадный млечных их щедрот,
Оторвался в изумленье
Разом пересохший рот:

– Мать-искусница! О, нежность!
Млека нет в твоей груди!
Не виною ли небрежность?
Сладостная, погляди!

Лишь на персях этих полных,
В белоснежности пелен,
Поплавком на тёплых волнах
Я забылся, усыплен,

Только в небе этом мрачном
Тени отхлебнув густой,
Стал я светлым и прозрачным,
Исполняясь красотой!

Брошен в океан духовный,
В бога преосуществлен,
Погружён в покой верховный,
Восхищённый – покорен,

И теченьем чудотворным
Завлечён в волшебный плен,
Стал я ночи тайнам чёрным,
Смерть забыв, прикосновен...

Объясни, зачем так грубо,
Виноваты без вины,
Млека алчущие губы
От струи отрешены?

Строгость! Вид твой недовольный
О недобром говорит!
И молчанья лебедь вольный
Больше рядом не парит!

Вечная! Твои ресницы
Занавесили мой клад!
Как от мраморной гробницы
От тебя исходит хлад!

Ты меня лишила света!
Обернись! И свет яви!
Чем ты станешь без поэта?
Что я буду – без любви?

Но ответный раздаётся
Голос на пределе сил:
– Сердце уж моё не бьётся,
Так ты грудь мне прикусил!

Шаги

Шаги, родясь во тьме бездонной,
Прошествовали в тишине,
И, набожно и непреклонно,
Неспешно близятся ко мне.

Ваш дар я, боги, прозреваю!
Украдкой сладостной, тайком,
Тень дивная и суть живая,
Ко мне подходит босиком!

И, если поцелуй – питатель
Готов сорваться с уст твоих,
Чтобы голодный обитатель
Бессонных мыслей поутих,

Все ж сладкий миг не торопи ты,
Грань хрупкую побереги.
Я здесь затем, чтоб стали слиты
Стук сердца и твои шаги.

Пояс

Лишь стало небо нежно ало,

Всё ласке глаз себя открыв,
За гибельный предел ступив,
Вдруг в розах время заиграло.

Горит сияющий разлив,
Немеет, в золоте покоясь,
Но стянется летучий пояс,
Кольцом все небо охватив...

Той ленты вольные блуждания
В дыханьи воздуха струясь
Затрепетать заставят связь
Земного мира и молчанья...

Я был – и нет ... Стою, суров,
Один, о сладостный покров!

Спящая

Какое тайное сжигает душу пламя?
Вобрав цветочный дух, чей нежный лик застыл?
Чьей тщетной силою первоначальный пыл
Вкруг спящей женщины всё озарил лучами?

Ты восторжествовал, покой, над всеми снами,
Немые вздохи ты, могучий, победил.
Волнами тяжкими ты грудь врага покрыл,

И тайный заговор составлен меж волнами.

О груди спящая теней и легких уз,
Как грозен твой покой, как тяжек этот груз,
Ты к грозди тянешься лениво-плавной ланью,

Покинуто душой, что свой проходит ад,
Руки и живота струится очертанье
И бодрствует. Пускай! – внимателен мой взгляд.

Фрагменты Нарцисса

Cur aliquid vidi?

I
Цель чистая моя, о наконец блесни же!
Я, как олень, бегу, и берег твой все ближе.
Как колос срезанный, у края родника
Я, жажда, упал средь дудок тростника.
Но, чтобы совладать с любовью любопытной,
Покоя не смущу я водной глади скрытной!
Коль любите меня, вам, нимфы, должно спать,
Довольно вздоха вам, чтоб вдруг затрепетать.
Пусть, канув в сумерки, потерянно слабея,
В паденьи легкий лист заденет чуть Напею –
Чтоб спящий мир разбить, довольно и того...
Пока вы дремлете – сохранно волшебство

Но вмиг разрушит все малейшее движенье.
Мой берегите лик в глубоком сновиденьи...
Ведь лишь небытие рождает, претворясь!
Смотри же на меня, о небо, нимфам снясь!

Печально сам себя ищу в себе напрасно
И красота моя мне кажется неясной.
Мечтайте обо мне, о чистые ручьи
И прелесть и печаль мои без вас – ничьи.
Не видя самого на свете дорогого
В слезах мой взгляд падет на чуждого другого...

Быть может ждете вы иной, бесслезный, лик,
Спокойные, всегда в уборе повилик,
Тревожимы во сне нетленной высотой?
О Нимфы! К вам влекусь дорогой тайной тою,
Которой не сменить и не преодолеть.
Вам отзвук бурь людских приходится терпеть!

Глубоких ровных вод блаженные чертоги!
Я здесь совсем один!.. Пусть волны, эхо, боги,
Вздыхая, разрешат мне быть здесь одному!
Один! Опять один! К себе лишь самому
Я прихожу, придя к зеркалу под листвою.
Верхи дерев, застыв, молчат над головою,
Вдруг голосом другим заговорил родник –
Надежда слышится – к ней слухом я приник
Внимая, как трава растет в тени священной ...
Коварная луна отбрасывает блик

На тайну, что хранит источник приглушенный,
Я знать ее боюсь, страшит меня тайник –
Таинственный изгиб любви столь непонятной....
Ничто не скроется: пусть замолчал родник –
Ты любишь сам себя! – мне ночь шепнула внятно,
Лишь подтвердив, дрожа, заветный мой зарок.
Но, кажется, лукав немного ветерок –
Составили в ночи лесные эти своды
Какой-то заговор с молчанием природы.

О сладость силу дня стерпеть и пережить,
О миг, когда она должна уж отступить,
А день пылает все, счастливый и усталый,
Исполненный любви, чей отсвет нежно-алый
Воспоминанием приходит в смертный час..
Но вот растаял он, рассеялся, погас.
Потерянно во тьме забытый вечер бродит
И в сновидение неслышно переходит.

Но все ж какой ущерб в себе несет покой!
Погибельно душа склоняется с тоской,
Прося о божестве, – лишь волны в ней взиграют,
Так тотчас лебедь их, разгладив, прочь стирает.
О, этих вод не пьют окрестные стада
Другие, заплутав, здесь тонут навсегда,
Разверстая, стоит прозрачная могила,
Но не покоем – нет! – она меня манила.
Свет ясный дремлет средь неведомых отрад,
Но только проблеснул листвы далекий ад,

Как победитель тьмы – властительное тело –
Извечный страх чашоб отвергнув, захотело
Вдруг вечной ночи их, что спит среди ветвей.
Все я наедине стою с тоской своей!
Манит и гонит прочь телесное свеченье,
Я – тут, там – блеск воды и головокруженье!
Оплачь, Нарцисс, всполох лазури роковой!
С какою нежностью к воде я наклонился!
В смертельной синеве увидев образ свой,
К душе своей припал и вдоволь тьмой напился!

О силы вещие, провидческие сны
Смотря в себя, как в жизнь иную,
Вы видите себя из вашей глубины,
Свою же плоть к себе ревнуя?
Пусть беспокойных дум прервется мрачный ход –
Что ищете умом не спящим?
Не сможет вам помочь пустынный небосвод
Стать в муках чудом настоящим –
Ждет чудо тела вас – в зеркале этих вод...

Вбирая вас в себя, как жертвенную птицу,
Дракон *любви к себе* вас взглядом поглотит.
В блуждающую сеть вас приняли ресницы –
Всполох ее шелков пускай вас удивит.

Да не помнится вам, что сменится эпоха
В кристалле стынет – ваша кровь
Не сможет и сама любовь

Из волн немых извлечь ни вздоха, ни всполоха...

Пол-ох-а...

Плохо?

Кто

тут эхом вторит мне?

Насмешничает ли оракул этим гудом?

Иль потешается глубокий грот во сне?

Молчание каким-то чудом

Вдруг прервано, и все вокруг живет!

Что плохо? Знак плохой? Над гладью темных вод

Тростник ли жалобы мои здесь повторяет?

Не гроты ль в глубине рокочат и рыдают?

Не голос ли души родился и исчез?

Набормотал ли что уже не спящий лес?

О гул мучительный, о легкое дыханье

Златой листвы вокруг, о предзнаменованье!

Охотятся за мной все боги этих мест

И тайною моею звенит весь мир окрест!

Среди деревьев – плач, смех катится по скалам,

И мог бы, кажется, усилием самым малым

Волшебный этот глас меня восхитить ввысь!

Увы, меж тысяч рук, что в дебрях поднялись,

Средь зыбких сумерек забрезжил отблеск странный –

Там, из остатков дня составлен, мой двойник

В сияньи наготы, холодной и желанной,

Среди печальных вод нечаянно возник.

Вот плоть нежнейшая из лунного сиянья
Полна покорности и противостоянья,
Чье имя дивное раскатами звучит!
Но пленника листвы устал уж призывать я
Напрасно медленно сжимаю я объятья
И сердце бешено в моей груди стучит.

Рот сомкнутый его исполнен искушений,
Прекрасный мой двойник! Меня ты совершенней,
Подёнка вечная! как блеск вечерних рос,
Как жемчуг, бледен ты в шелку своих волос.
Ужель друг друга мы с Нарциссом полюбили,
Чтоб тут же тени нас ночные разделили,
Как делят яблоко, ножом напополам?
Ужель
погибнешь ты,
когда я стон издам?
Я обучил тебя дыханью, я ль виною
Что вздох твой пробежал тревожною волною?

Дрожишь!.. Слова, что я шепчу, едва дыша, –
В сомненьи между нас снующая душа,
Меж этим чистым лбом и памятью тяжелой...
Я жажду жаждою, как раб, бесстыдно-голой,
Как близок ты ко мне – тебя могу я пить!
Ведь до сих пор себя я не умел любить,
Себя я сам не знал, пылая этой жаждой ...
О! Видеть, знать тебя! Повиноваться каждой
Из пляшущих в душе неведомых теней,

Следить за бурей таинственных огней
На собственном челе! И наблюдать измену
Смеющегося рта, взбивая мыслей пену,
Что радугой блестит в глазах среди синевы....

Надменность с немощью, сколь дороги мне вы!
Ведь даже девочка, что мчится от сатира,
И ждет его, дразня и смеха не тая,
Все нимфы робкие, все девственницы мира
Влекут меня слабей, чем ты, о вечный «Я»!..

Іі

О воды хладные, спокойнейшие воды
Нежны к лесным зверям, приятны пешеходу –
Средь вас он ищет смерть, собою соблазнен,
Судьбе вы сродственны, весь мир – ваш тайный сон.
В воспоминание предвестье обратится
И вами в вашем сне вдруг небо восхитится,
Подобен сам себе меняющийся лик!
Волна, моя волна! за бликом блещет блик,
Года поверх тебя проходят облаками
Знакома ты давно с телами и страстями,
Тобой изведаны и лето, и весна,
И звезды с розами, и – до глубин ясна –
Жива ты тем сама, что ты же омываешь,
Ты мудрость тайную в укывище питаешь
Во тьме ее теней, отброшенных на лес,
И мимолетный миг навек в тебе воскрес...
Задумчивый притин неколебимо ясен,

Храня угрюмый клад опавших листьев, басен,
Фруктов и мертвых птиц и пряча слабый свет
Сшедших в глубину давно забытых лет.
В себе ты гибель их торжественно сокрыла,
По лону вечному страстям ты разрешила
Пройти и умереть... Охватывает страх
Дрожащую листву и вся она в слезах
Летит по ветру вдаль... Души горячей сила
Прозрачную сестру пыланьем окружила
Желая подчинить... И постигаешь ты
С какою нежностью, скользя среди густоты
Волос, спадающих с затылка дорогого,
Всемощная рука потом вернется снова,
К плечу, ведь для нее вся плоть – подвластный мир.
Закрытые глаза уставлены в эфир,
Полупрозрачных век пылает багряница,
И пробивается упрямо сквозь ресницы
Сияние двоих... Свое объятье для,
Вздыхают ли они? Иль то зовет земля
Огромную чету, что, слив уста с устами,
На девственном песке сплетается телами
В уже слабеющий чудовищный клубок.
И как единый вздох счастливых душ клубок,
О как им сладостны взаимные щедроты!
Но знаешь, чистый ключ, получше моего ты
Какой среди этих чар созреет горький плод –
У счастья пылкого всегда один исход,
Лишь против любящих начнешь ты строить козни
Расстроится союз, начнутся споры, розни,

Зачатый посреди столь ласковых тенёт
Исполнен многих зол, несчастный день взойдёт.
И скоро, мудрая волна – все та же, но другая –
Они, что любят их, безумно полагая,
Опять сюда придут вздыхать средь камышей,
Влекумы Временем и памятью своей.
В бессилии своем угнетены тенями,
Небесной красоты их ослепляет пламя,
Хранят в себе всполох счастливейших времен,
Но видят только ход смертельных перемен...
«Ты видишь уголок, что кипарисы скрыли?»
«Как он спокоен был, как мы его любили!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.